Битва за историю

ОБРУШЕНИЕ МОСТА в Италии и пуск главного российского моста (и в целом — главного строительного проекта современной России) — повод вспомнить о судьбах мостостроителей России, о судьбе крупнейшего моста царской России, о злой иронии этой судьбы.

Извечная мистическая значимость именно мостов звучит и сегодня: Верховный понтифик (pontifex maximus). Высшая коллегия жрецов Древнего Рима надзирала за строительством мостов, через императоров сей титул перешёл к римским папам, так что понтифик и армейский понтонер — одного корня. Именно "под мостом" обосновался и Гусинский с коллегами (Группа "Мост", "Мост-Банк") — те ещё мостостроители!

Важность, например, того же Транссиба доказывать не надо: "позвоночник России", главный материальный залог её территориальной целостности. Строили дорогу бешеными темпами. Понимающие люди России только после 1 июля 1903 года смогли перевести дух — движение по Транссибу открыто! И сразу же под предлогом проверки пропускной способности началась переброска войск на Дальний Восток. Один армейский корпус в 30 000 чел. загружал дорогу на месяц. До этого все разговоры, ироничные салюты Вильгельма II "адмиралу восточных морей Николаю", Владивосток, Порт-Артур, весь наш Дальний Восток — всё держалось на честном слове.

12 августа 1903 года — забытая ныне историческая дата: Япония предоставила России новый проект Договора с "признанием интересов России в Маньчжурии". Смягчение грозной до этого позиции Страны Восходящего Солнца — через месяц после пуска Транссиба! Японцы учли: Россия вышла из "класса беспозвоночных" (если уж сравнивать Транссиб с позвоночником страны).

Но Николай II, дав достроить Транссиб, через несколько дней уволил Витте — и "безобразовская шайка" вместе с Плеве ("нужна маленькая победоносная война") перевели стрелки политического пути России на войну с Японией.

Лучший министр лучшего нашего царя Сергей Витте успел реализовать планы Александра III:

— "Винная монополия" ("Казённая продажа питий") забрала у кабатчиков-шинкарей-откупщиков деньги, давшие 24 % бюджета страны;

— Транссиб, стоивший 1,5 млрд рублей, запущен.

Но запущен в "предварительном формате": у города Сретенск Транссиб раздваивался. Нынешняя трасса идёт по местности горной, гигантской дугой огибая Маньчжурию. А Китайская Восточная Железная Дорога (КВЖД) шла через Маньчжурию до Владивостока прямой стрелой, хордой: на 514 вёрст короче, проходила в основном по степям, кроме Большого Хингана (девять тоннелей, менее сложных, чем в Забайкалье).

Но главное, северный путь требовал постройки моста через Амур в районе Хабаровска: 2,6км, крупнейшего в России. И заработал "цельно-российский" вариант Транссиба только 5 октября 1916 года! Пока Дальний Восток держала нитка КВЖД (её "возвернутый" Витте отстоял в Портсмуте, вернув ещё и пол-Сахалина). А уровень демагогии позволял тогда критиковать КВЖД, сохранившую России Дальний Восток: "отход от российского маршрута"!

Придумайте сюжет с более злой иронией. Важнейшие инфраструктурные проекты России: Транссиб и дорога к первому настоящему океаническому порту Мурманск (Романов) сданы в октябре 1916 года. Именно через Мурманск в Россию из США приедет Троцкий с "группой товарищей".

А судьба мостостроителя? Евгений Карлович Кнорре — из числа русских немцев, беззаветно служивших России. Строил мосты, башни Мытищинского водопровода, снова мосты, мосты… Транссиб дал простор его судьбе: "Строил так, дабы Бог и потомки никогда не сказали худого слова обо мне". Строил железнодорожный мост через Енисей в Красноярске, по проекту профессора Императорского Московского инженерного училища (МИИТ, ныне — Российский университет транспорта) Лавра Проскурякова. Модель моста на Всемирной выставке в Париже 1900 года была удостоена золотой медали. Председатель жюри, автор Парижской башни Эйфель, написал в Россию почтительно-восторженное письмо (хранится в музее МИИТа).

В 1902 году под славное имя Кнорре некто Балинский организует крупнейшую коррупционную схему тогдашней России. По "Проекту метро Балинского — Кнорре" мне довелось выпустить серию статей в ваковских изданиях, отыскав в Центральном историческом архиве (ЦИАМ) Москвы и впервые опубликовав серию документов. Здесь — кратко: Москва тогда имела профицитный бюджет, главный доход — трамвай, по роли аналог нынешнего метро. Прикрывшись именем Кнорре, с поддержкой московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича ("ходынского воеводы"), Балинский требует отдачи в концессию на пять лет московского трамвая, на доходы которого обещает строить метро. Вместо проекта ("Тайна. Моя интеллектуальная собственность. Предъявить не могу!") показал Мосгордуме… картины художника Каразина, заказные "фэнтези" на тему транссибовских мостов Кнорре в виде виадуков, "возведённых" над Васильевским спуском, поверх Красной площади, Тверской улицы.

Ни расчёта пассажиропотоков, ниче-го!.. Только "я от Сергей Александрыча" (имя великого мостостроителя) — и пять лет доходов второго по величине города Империи в кармане! Городскому голове князю В.М. Голицыну невероятной мобилизацией всей "первопрестольной" удалось сорвать ту "сделку", ближайший аналог которой — удавшаяся уже в "лихие девяностые" скоростная ж/д "Москва—Петербург", ставшая просто большой ямой за Московским вокзалом.

Кнорре погиб на третий день революции, но политические взгляды были ни при чём: 28 октября 1917 года при выходе из трамвая помогал раненому фронтовику (возможно, в офицерской шинели), задержал движение и раздражённая толпа вышвырнула обоих. Старик Кнорре скончался у трамвая, который за 15 лет до того пытались украсть под его имя. Но золотомедальный его мост простоит в Красноярске больше века (недавно заменён на более "пропускной"). А супермост в Хабаровске? Опоры служат и по сей день, фермы заменили к 2000 году. Вывод: наболее уязвимыми у нас оказываются социальные и политические "опоры и фермы".

Игорь ШУМЕЙКО

Юрий ТАВРОВСКИЙ

ГОТОВНОСТЬ № 1

Угрозы Вашингтона и ответы Пекина

КИТАЙ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

В последние дни после кажущегося затишья в Китае резко активизировалась политическая жизнь. Затишье было лишь кажущимся — потому, что традиционное неформальное собрание партийно-государственного руководства на морском курорте Бэйдайхэ всегда проходит в обстановке строгой секретности и не производит информационных поводов. Со времён Мао Цзэдуна высшие руководители партии, правительства и вооружённых сил покидают на несколько недель нестерпимо жаркий летний Пекин ради спасительной прохлады побережья Жёлтого моря. При этом именно там происходят порой жаркие дебаты по важнейшим вопросам внутренней и международной политики, готовятся судьбоносные решения. Вот и на этот раз из Бэйдайхэ не просочился ни один иероглиф, ни один шёпот.

Зато сразу по окончании "рабочего отпуска" начались важные, очень важные события. На трёхдневном (17—19 августа) совещании Центрального военного совета речь шла об "усилении партийного руководства и партийного строительства в армии для продвижения нового великого проекта в строительстве партии и для продвижения строительства сильного государства с сильной армией". В Пекине никогда не забывали установку Мао Цзэдуна: "Винтовка рождает власть".

Китай готов к труду и обороне

Об усилении партийного руководства в ещё одной ключевой области внутренней политики Си Цзиньпин говорил на Всекитайском совещании по вопросам пропагандистской и идеологической работы (22-23 августа). Глава китайского государства, генеральный секретарь правящей Компартии и председатель Центрального военного совета (главнокомандующий) призвал "вести основательную пропагандистскую и идеологическую работу для объединения людей общими идеалами, убеждениями, ценностями и моральными установками, и тем самым внести ещё более весомый вклад в общую обстановку в партии и стране". Он особо подчеркнул необходимость "лучше выполнять цели и задачи пропагандистской и идеологической работы в новых обстоятельствах".

"Новые обстоятельства" возникли после начала полномасштабной торговой войны США против КНР. Уже введённые пошлины и иные ограничения оцениваются в 50 млрд долл. Президент Трамп упомянул следующие рубежи наступления на китайский экспорт — 200 и 500 млрд долл. Для противодействия американскому прессингу в руководстве Китая, как всегда в кризисных ситуациях, создана "малая руководящая группа" — наделённый самыми широкими полномочиями штаб для оперативных решений. Вот и на этот раз ответные пошлины на американские товары были объявлены через одну минуту после введения 23 августа повышенных пошлин в 25 % на импорт китайских товаров объёмом 16 млрд долларов. Таким образом, Китай отвечает зеркально, вводя контрсанкции на американские товары на те же 16 млрд. Хотя торговая война находится ещё в ранней фазе, её последствия уже начали сказываться: ощутимо падает курс юаня, растут цены, уменьшается покупательная активность населения. Негативные последствия не трудно было предсказать. Очевидны и цели торговой войны, представляющей, скорее всего, лишь составную часть грядущих серьёзных и многосторонних действий ради сдерживания Китая, предотвращения новой роли Поднебесной в мире.

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА ПРОТИВ КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ

XIX съезд КПК осенью 2017 года стал высшей точкой развития Китая за 40 лет проведения политики "реформ и открытости", начатой ещё Дэн Сяопином. С трибуны съезда руководитель партии и страны Си Цзиньпин нарисовал впечатляющую перспективу будущего могущества Поднебесной. Не позже 2049 года будет достигнута цель "китайской мечты о великом возрождения китайской нации" — превращение КНР в могучую мировую социалистическую державу. Реальные успехи первых пяти лет реализации долгосрочной программы подтолкнули Пекин заглянуть далеко за горизонт, причём с охватом не только самой Поднебесной, но и всего мира.

Очевидно, в работающих на руководство пекинских "мозговых трестах" сочли необратимыми тенденции деглобализации в мире, внутренних распрей в Америке, стагнации в Европе, перманентной нестабильности в Африке и на Ближнем Востоке. На этом фоне успехи начатого в 2012 году движения по пути реализации китайской мечты выглядели впечатляющим контрастом — показалось небывалое "окно возможностей". Обратив внимание партийной элиты на это "окно", Си Цзиньпин провозгласил концепцию "создания сообщества единой судьбы человечества" в качестве теоретической основы международной деятельности партии и, следовательно, всего Китая. В самом деле, если в результате политики Трампа по "глобальной деглобализации" явно возникает вакуум, то почему бы не начать его заполнять?

Понимая возможный рост настороженности в отношении глобальных устремлений Поднебесной, её руководитель на том же съезде призвал мировое сообщество не бояться Китая как нынешнего, так и того, который возникнет в обозримом будущем. "Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своём развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии". Похоже, эти миролюбивые слова не убедили некоторых соседей Китая по планете Земля.

После XIX съезда КПК прошло всего несколько месяцев, как вдруг на до тех пор гладком пути к китайской мечте стали возникать препятствия. Главным источником неприятностей стала Америка, чьи элиты окончательно разгляделии в Поднебесной главного конкурента или даже экзистенциального противника. Американская мечта о мировой гегемонии явно несовместима с китайской мечтой. Выразителем этих настроений стал республиканский президент Дональд Трамп, хотя и его соперница от Демократической партии Хиллари Клинтон в своих предвыборных речах тоже не жалела обещаний "обуздать Пекин". Недружественные действия Вашингтона начались — несмотря на примирительные слова китайских руководителей, активную работу "китайского лобби", неожиданную поездку Си Цзиньпина во Флориду и сверхтёплый приём Трампа в Пекине, сопровождавшиеся льготными контрактами на сотни миллиардов.

Похоже, что развязывание торговой войны с перспективой её дополнения ростом военной напряжённости из-за островов Южно-Китайского моря и Тайваня застало врасплох немалую часть китайского общества. В последние годы для неё стали характерны "шапкозакидательские" настроения, вызванные преодолением комплекса "униженной нации" и активной пропагандой несомненных успехов в экономике и науке. Например, стало меняться поведение молодых бизнесменов и сотрудников государственных компаний, они стали ощущать себя "новыми хозяевами мира". Позабыв о традиционной китайской вежливости и деловой этике, они подчас вели себя вызывающе на переговорах, не соблюдали даже подписанные соглашения, меняли их условия под предлогом "новых обстоятельств", подолгу задерживали платежи. Не исключено, что этот "субъективный фактор" повлиял, в частности, на уходящих с китайского рынка западных бизнесменов, на участившиеся отказы сразу нескольких стран зоны "Шёлкового пути" от совместных с Китаем проектов.

Мягко говоря, "преждевременность" высокомерия части китайского истеблишмента стала очевидной с началом трудностей внутри и вне Китая. Маятник настроений качнулся в противоположную сторону. Во всё более влиятельной китайской Сети и даже в некоторых печатных изданиях появились публикации с мягкой критикой нынешнего руководства: за отход от совета Дэн Сяопина "не высовываться и накапливать силы" во внешней политике, за "чрезмерную" помощь развивающимся странам, за излишнюю активность в борьбе с коррупцией, за отход от партийных норм коллективного руководства. Особенно сильны критические настроения в приморских провинциях, тесно связанных с американским рынком производственными и торговыми цепочками.

"Либералы поднимают голову", — говорил мне недавно в Пекине известный китайский политолог — активный сторонник Си Цзиньпина. Он полагает, что значительная часть партийных и административных кадров, а также интеллектуалов охвачена паникой. Одни боятся утратить благоприобретённое за "тучные годы" достояние, ожидают ужесточения идеологического контроля, возобновление "классовой борьбы" чуть ли не в традициях "культурной революции", ускорения гонки вооружений за счёт образования и социальных программ, возврата к временам "закрытого общества" с тотальным контролем за словами и поведением каждого человека. Другие неожиданно утратили уверенность в завтрашнем дне, который, непременно, должен быть лучше нынешнего и тем более вчерашнего.

Ответом на подобные настроения стала новая идеологическая кампания "усиления патриотизма". Со своими постами распрощались слишком оптимистичные руководители Отдела пропаганды ЦК КПК. В "Жэньминь жибао" и других влиятельных изданиях появились передовые статьи с призывами к трезвой оценке достижений и проблем. Наиболее активных так называемых триумфалистов, оказавших влияние не только на население, но и на высшее руководство, даже стараются изгнать с университетских кафедр, из редакционных кабинетов. Предлагается новое прочтение патриотизма. Теперь это — не упоение успехами, а сплочение вокруг партии и её руководства в условиях сдерживания Китая. В партийных организациях учреждений и университетов проводятся собрания, на которых любовь к Родине приравнивается к преданности партийному руководству. Каждый участник собрания должен высказаться на эту тему, а все вместе затем поют старые революционные песни. В свою очередь, активизируются и бывшие хунвэйбины, не без ностальгии вспоминающие о погромах власть и деньги имущих в годы "культурной революции". Называющие себя большевиками люди среднего и старшего возраста недовольны — в частности, расширением прослойки сверхбогатых людей, их влиянием на общество.

УДЕРЖАТЬ ШТУРВАЛ В РУКАХ КОРМЧЕГО!

Насколько серьёзны внешние и внутренние проблемы Пекина? Думаю, что накопленные за "тучные годы" валютные резервы (3,14 трлн долл. на конец 2017 года) помогут довольно долго сопротивляться натиску США. Начавшаяся ещё несколько лет назад переориентация на растущий собственный рынок, а также расширение выхода на рынки стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС, Евросоюза, АСЕАН могут смягчить последствия торговой войны.

Что касается внутреннего положения, то начало торговой войны в первую очередь повлияло на ту часть общества, которая и без того была ориентирована на Запад, связана с ним явными и тайными нитями: обучением детей в престижных университетах, обладанием счетами и недвижимостью. Зато это давление может усилить и без того сильные националистические чувства гораздо большего числа простых китайцев, а также одобряющих курс Си Цзиньпина армии и органов безопасности. Взятый после XIX съезда курс на возрождение социалистических ценностей может стать ещё более четко выраженным. В области экономики можно ожидать не только дальнейшей либерализации и ускорения структурных реформ, но и применения проверенных методов стимулирования активности за счёт крупных инфраструктурных проектов. Можно ожидать мер по наращиванию покупательной способности населения, включая рост зарплаты бюджетников и занятых на государственных предприятиях, а также повышения пенсий и иных социальных выплат. Вполне вероятно некоторое ослабление ограничений инвестиционной деятельности провинциальных властей, дальнейшее сокращение таможенных тарифов и снижения порога для прямых иностранных инвестиций, улучшение охраны прав интеллектуальной собственности.

Во внешней политике Китай может ещё активнее строить глобальную альтернативную финансовую систему, проводить курс на вытеснение доллара в расчетах партнёрами, выводить резервы из американской банковской системы. Ответом может стать ускорение сближения с Россией вплоть до создания военно-политического союза. Нельзя исключать создания в той или иной форме системы взаимопомощи и координации между затронутыми американскими санкциями государствами: от Германии до Турции, от Венесуэлы до Ирана.

В любом случае Китай не откажется от выстраданной десятилетиями поражений и побед китайской мечты. Китай готовится ответить на любые вызовы. Китай сосредотачивается.

Шамиль СУЛТАНОВ

ЛОВУШКА ПО ИМЕНИ БУДУЩЕЕ

Россия и стратегическое планирование

ФАКТОР БУДУЩЕГО всё резче и существеннее влияет на решения, которые принимаются сегодня, особенно в сферах национальной безопасности, международных отношений, высоких технологий и т.д. Значимость правил игры, которые будут доминировать в туманном, неопределенном завтра постоянно возрастает. Требования еще не наступившего будущего оказываются очень часто гораздо более важными, чем даже острые кризисы сегодняшнего дня. Стратегическое будущее через 10-15 лет, которое связано и с нынешними жесткими проблемами, становится более существенным, чем противоречивая конъюнктура настоящего или "богатый опыт" прошлого.

На самом деле мы уже вошли в тот цифровой мир, где все более важную роль играют секретные информационно-прогностические системы (ИПС), представляющие собой особую форму развития искусственного интеллекта.

Представьте себе такую ИПС, которая в постоянном режиме отслеживает, например, перспективы стратегического будущего некоей страны Азания, используя, например, триста базовых индикаторов. Система непрерывно мониторит динамику этих взаимодействующих показателей. Тогда практическая достоверность и обоснованность такого прогнозирования будет определяться не только результатами ретроспективного прогнозирования, но и промежуточными прогнозными оценками. Если ИПС выдает, например, каждые полгода оценки характера изменений в ситуации в Азании, и соответствующие практические рекомендации для лиц, принимающих решения, то это означает, что данная страна уже контролируется искусственным интеллектом. Вот тогда и появляется конкретная возможность эффективного планирования и проведения тех или иных стратегических и оперативных действий против правящего режима в Азании: специальных, подрывных или, наоборот, поддерживающих, экономических, социально-политических, информационно-психологических и т.д.

В период быстрого развития и внедрения инноваций шестого технологического уклада, беспрецедентного изменения системной сложности глобального сообщества кардинально возрастает значимость стратегического планирования и стратегического прогнозирования для государственного управления.

В последние десятилетия в самых различных странах мира, включая технологически высокоразвитые, незаметно для общественного мнения, возрастает воздействие национальных военно-разведывательных комплексов (ВРК) на процессы принятия стратегических решений. Ведь именно на руководстве ВС и спецслужбах лежит особая ответственность за долгосрочную безопасность своего государства. Особенно в условиях резкого усложнения системных угроз в мире.

Но важен и другой аспект. Именно ВРК имеют действительный наработанный опыт работы с будущим, практический опыт стратегического прогнозирования и стратегического планирования, хотя бы потому, что разработка и внедрение новых сложных систем вооружений зачастую занимает несколько десятилетий.

В июне 2014 года был принят Федеральный закон № 172 "О стратегическом планировании в Российской Федерации". Но он до сих пор фактически так и не заработал. Главная причина в том, что для российского правительства, российского политического истеблишмента, российского бюрократического класса характерно господство инерционного сознания, а соответственно, инерционного прогнозирования и инерционного планирования. И никакие красивые законы о стратегическом планировании эту ситуацию изменить не смогут. Властные круги страны "часто не способны, а иногда и не хотят заниматься стратегическим планированием… причем в условиях, когда в Конгрессе США открыто предлагается план по "организации международного суда над правящей элитой России".

Проблемы стратегического планирования в России существенно осложняются и тем, что "качество правящей политической элиты страны постоянно снижается, а степень сложности проблем, требующих разрешения, нарастает".

Последние две цитаты взяты из книги А.И. Подберезкина "Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке" (М. Издательский дом "Международные отношения", 2018 г.). Это фундаментальное издание (1600 страниц!) как раз и посвящено теме стратегического прогнозирования и планирования в военно-политической сфере.

Алексей Подберезкин, пожалуй, единственный крупный русский военный теоретик, который последовательно занимается стратегической военно-политической проблематикой на протяжении последних тридцати пяти лет. Причем, не меняя своего мировоззрения, которое, как он сам пишет, всегда оставалось патриотическим, имперским и социалистическим.

Последняя его работа посвящена поиску выбора наиболее оптимальной стратегии России до 2025 года и на более долгосрочный период — до 2040-50 гг.

Как показала практика после принятия ФЗ №172 процесс эффективного управления системой институтов нации и государства в России так и не наступил. Как пишет А. Подберезкин: "Более того, самой такой системы, как представляется, просто нет. Это был вынужден признать даже либерал А.Кудрин, оценивая реализацию принятых стратегий… Даже самые мелкие вопросы не решаются без вмешательства Президента. Или вообще не решаются".

В свое время у нас появилась государственная программа "2020". Выдвинул ее и энергично пропагандировал господин Медведев, нынешний премьер-министр. А потом эта программа "2020" как-то внезапно сдулась и полностью исчезла. Никто ее сегодня не вспоминает, хотя 2020 еще не наступил. Вот так просто весь этот вроде бы стратегический государственный проект оказался элементарной расейской показухой.

А теперь зададимся простым вопросом: "А как на это событие должны были отреагировать наши принципиальные противники и враги?". Я думаю, мозговые центры и руководство соответствующих разведок вновь с удовлетворением констатировали: "Москва не знает своего будущего, не хочет его знать, да и не умеет работать с фактором будущего".

Есть один момент, который делает эту книгу Алексея Подберезкина особенно актуальной и важной в условиях начавшегося быстрого перехода в шестой технологический уклад.

Стратегическое прогнозирование и планирование требует творческой работы с фактором будущего, которая, в частности, должна строиться посредством технологий, инструментария и методов так называемого "модельного мышления". Неизвестное, неопределенное и высокорисковое будущее должно описываться не словами и предложениями, а верифицируемыми, рефлексивными и динамичными моделями. То есть, такими пластичными и гибкими образами, которые можно на любом этапе постоянно соотносить с реальностью, управлять, гибко реагируя на те или иные новые появляющиеся факторы и непредвидимые события. Соответственно, такие креативные, саморазвивающиеся модели должны создаваться особыми, все более совершенствующимися цифровыми технологиями, использующих различные базы "больших данных".

Судя по всему, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России — Концерна ВКО "Алмаз-Антей", который возглавляет А.Подберезкин, является одним из очень немногих в Российской Федерации, где и реализуется такой подход. Во всяком случае в этой книге, описывающей базовые сценарии военно-политического развития России до 2050 года, можно встретить и прямые намеки на используемые ИПС, и ссылки на разрабатываемые системы концептуальных парадигм и т.д.

Вопрос практического использования все более совершенствующихся технологий стратегического прогнозирования и планирования, это, к сожалению, проблема совсем не абстрактная и отвлеченная, а непосредственно связанная с выживанием государства и нации. Наша страна вступает в такой опасный период будущего, когда дилемма "или-или" обязательно встанет в свой полный угрожающий рост.

Я приведу в этой связи несколько характерных примеров из книги "Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке".

В последние годы Россия в среднем производит 2-2,5% мировой продукции, а вот на долю высокотехнологичной и наукоемкой продукции приходится, по оценке самого Президента В.Путина, всего лишь 0,2%.

В Российской Федерации в настоящее время — самая низкая производительность труда в Европе. И требования одного из "майских" президентских указов ежегодного увеличения такой производительности на 5% просто игнорируются. Более того, в реальности производительность труда в РФ за последние 3 года даже снижалась. За человеко-час в России производится продукции на 25,9 долларов, что более чем вдвое меньше среднего показателя стран ЕС — 55, 9 долларов. Для сравнения: в Турции этот показатель составляет — 36,4 доллара, Германии — 59,5 доллара, США — 62,9 доллара.

К 2025 году общие военные расходы НАТО, скорее всего, превысят 1500 млрд. долларов, а российские, в лучшем случае, останутся на уровне 60-70 млрд. долларов. В 20 раз меньше.

Даже такие экстраполяционные оценки требуют особого внимания, особой настороженности по отношению к вызовам, рискам и угрозам, которые идут из сверхсложного будущего. Не случайно, А.Подберезкин прогнозирует, при усилении таких разрывов, резкий рост вероятности глобальной тотальной войны в промежутке между 2025 и 2035 годами.

К сожалению, у российского правящего класса сложился такой тип инерционного мышления, который просто не позволяет работать со все более усложняющимися технологиями стратегического прогнозирования и планирования.

Среди рассматриваемого широкого набора сценариев сложного будущего в книге особое внимание уделяет мобилизационному сценарию.

Дело в том, что к 2018 году все экстенсивные ресурсы в стране были фактически исчерпаны и выбор сейчас сводится либо к развитию за счет национального человеческого капитала, либо продолжению стагнации 2014-2017 годов. Следовательно, темпы и качество развития России практически до 2025 года и тем более после этой даты должны обеспечиваться за счет количественного и качественного роста национального человеческого капитала. Но вне мобилизационного сценария сделать это будет невозможно.

Без осуществления мобилизационного проекта, к 2025 году не только военно-политическая обстановка, но и положение России относительно других стран ухудшится. В этом случае и после 2025 года с вероятностью до 90% власть не решится на реализацию мобилизационного сценария развития, а "инновационный сценарий в очередной раз окажется провальным". А.Подберезкин особо подчеркивает: "…только мобилизационный сценарий до 2025 года способен по сути сохранить Россию в качестве суверенного субъекта международных отношений в будущем,…особенно с учетом того, что наблюдается устойчивая тенденция ухудшения прогноза после 2025 года".